

Сереза Старый

ГОРОСКОП

Москва
2014

УДК 611.64
ББК 84 (2Рос=Рус)

С 77

Старый С.

С 77 Гороскоп / Сережа Старый. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 96 с.

ISBN: 978-5-519-01714-5

УДК 611.64
ББК 84 (2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Формат: 148x210 мм.

Гарнитура: «Century Schoolbook».

Печать цифровая.

ISBN: 978-5-519-01714-5

© С. Старый, 2014

© Lennex Corp., 2014

Уважаемый читатель!

Эта книга – самая настоящая сказка. Правда, в этой сказке присутствуют современные мотивы. В книге читатель встретит самых различных и неожиданных персонажей. Например, полковник танковых войск Мат-Тарасов. Он немного хамоватый, недалекий и любитель неразведенного спирта. Встретится даже и революционер Полиграф Шариков. Будут на страницах книги пираты Карибского моря Гарри Флинт и Билли Бонс. Вместе с ними появятся сказочная Шахразада и загадочная Кассандра. Ну и конечно, восточная и сказочно богатая царица Савская. Прошу тебя, читатель, принять эту книгу за сказку и ничего более.

Но причем здесь гороскоп? А вот те главные герои только и могли появиться на страницах этой книги при помощи гороскопа. Но разве Шахразада и Кассандра не умели составлять гороскопы? И вспомним «Собачье сердце» Михаила

Булгакова: революционер Полиграф Шариков не мог появиться без помощи гороскопа. Как сказал о нем домком Швондер: «Я не могу допустить пребывания в доме без документного жильца, да еще не взятого на воинский учет милицией. А вдруг война с империалистическими хищниками?»

А знаменитый Беня Крик из монолога тети Сони с Малой Арнаутской. Да, Беня – налетчик. Беня – бандит, и кто же составил на него такой гороскоп? Да это же сам Исаак Бабель. И как же не любоваться этим наглым аристократом: «Работай спокойнее, Соломон, – заметил Беня одному из тех, кто кричал громче других, – не имей привычку быть нервным на работе! – и, оборотившись к приказчику, белому, как смерть, и желтому, как глина, он вежливо попросил: – Так отчини нам, с Божьей помощью, кассу». Ну и как же без царицы Савской? Ваше Величество, несравненная Царица! В жизни всякого поэта есть одна трагедия... Современники его или недостаточно ценят, или совсем не ценят, и только после смерти поэта приходят признание, слава, почести. Это ужасно!!! Лучше читать про царицу Савскую, жарко задышать грудью и вспыхнуть, как солома на огне.

Вот такие они загадочные, гороскопы, но, можно сказать, и сказочные. Приятного вам чтения!

С уважением, Сережа Старый.

Глава I

Восточный базар

На улице стоял месяц под номером 13, и, естественно, шла тринадцатая неделя, и пятница, как всегда, была тринадцатым числом.

Начальником восточного базара (сам базар, правда, находился в средней полосе России) Гарун аль Рашид, а в простонародье Костя Залеткин, сидел у себя в кабинете, то есть в своей личной чайхане, и составлял планы на выходные дни.

Подперев свою умную голову руками простого деревенского мужика или умными руками деревенскую голову, что, в общем-то, не столь важно, он своими мыслями уже пребывал на речке Осмолинка, где в глубоких ямах водились отменные сомы, а в бесчисленных протоках и обязательно на

небыстрой воде подремывал жирный жерех, который каждые пятнадцать минут аккуратно заглатывал рыболовный крючок с наживкой, и не потому, что он был очень глупым, а потому, что он рещался на подобный смертельный трюк исключительно от своей безмерной жадности. И, кстати, речка Осмолинка раньше Осмолинкой и не называлась, а испокон века она называлась Карамзинкой, по одноименному названию села Карамзиново. Но с недавних пор заведовать городским банком стал Ростислав Осмолин, который в миру был больше известен как Серега Шляпин. И вот этот самый Серега Шляпин, когда в государстве начали бродить политические дрожжи, пристрастился (и, надо сказать, очень ловко) прилипать к различным политическим партиям, и если партия была левая, то Серега сразу левел и фамилию Шляпин заменял на чисто партийную Левеев, а если партия гнула линию правой наклонности, то наш Серега, естественно, правел и менял фамилию Левеев на Правеев. Но вот последняя партия, которая неожиданно пришла к власти, была какого-то среднего толка, и Серега в мгновение ока посереднел и свою последнюю фамилию Правеев поменял на красивую фамилию Осмолин, а попутно из Сереги превратился в Ростислава. И вот эти средние, то ли от переизбытка ума, или же от своей средней дурости, взяли и назначили Серегу заведовать банком, а сам-то Серега раньше гонял наперстки на базаре под бдительным оком Кости Залеткина. И вот новоиспеченный банкир Осмолин-Шляпин, усаживаясь в кресло управляющего банком, сразу же задумался об увековечивании своего имени. Новый Ростислав понимал, что к власти завтра или через неделю может прорваться какая-нибудь прямая партия и если вовремя не успеть попряметь, то утопят в родной Карамзинке, как все равно что слепого котенка. И вот с недавних пор Карамзинка превратилась в Осмолинку. На рыбу данное эпохальное событие и не повлияло вовсе, и жереха как жирели, так и жирели, а сомы как сомели, так и продолжали сометь.

И вот так незаметно для себя Костя Залеткин уже вечером того же дня сидел на берегу Осмолинки и удил рыбу. И надо вам сказать, что именно вечерняя зорька с ужением рыбы и наталкивает человека на философские размышления о бытии. Сам-то Костя родом был из села Карамзиново, но по стопам своего рода не пошел. Все его родичи до девятого колена выращивали свеклу, овес и ягоду-малину, а Костя наперекор родословной линии взял и поступил в сталеплавильный институт. Получив диплом сталеплавильника, Костя подле мартеновской печи долго не задержался, так как в первый же день сильно ожегся и попал в больницу. Лечила его молодая и жгуче красивая докторша со странным именем Цилена. Но еще более удивило Костю то, что она накладывала ему повязки не на травмированное правое плечо, а на совершенно здоровую правую ногу. И уже вечером санитарка тетя Даша разматывала его здоровую ногу, перебинтовывала больное плечо и при этом неизменно приговаривала: «Ну что же ты хочешь, милоч? Она же зубной дохтор. Что с нее возьмешь?»

«Что-нибудь да возьму!» — решил про себя Костя и как-то после обеда отправился к ней в кабинет, на двери которого он прочитал следующую надпись: «Циля Рувимовна Мендель, врач из абсолютно всех врачей». «Вот оно что...» — крикнул по-мужицки Костя, рванул на себя дверь и, ни секунды не мешкая, предложил ей свои руку и сердце. И уже вечером, за чаепитием, весь медицинский персонал, обсуждая данное событие, пришел к выводу, что любовь — она шутка злая, а значит, полюбишь и еврейку. А для самого Кости выходило то, что он вроде бы в течение одной недели ожегся во второй раз (а что тут предпримешь, если Циленочка, как говорится, запала в душу), но, правда, насчет второго ожога — это с какой стороны посмотреть, а Цилена, в свою очередь, потушив глазки и вздохнув от счастья своим умопомрачительным бюстом, коротко ответила: «Да». Но неожиданно данному браку воспротивился родной отец Циля Рувим Осипович Мендель. Но Циля обезоружила своего отца резким выпадом: «Вы, папа,

какой-то у меня неправильный еврей! Все правильные евреи заведуют продуктовыми базами, а вы у меня заведуете военной». И на Цилино обвинение Рувим Осипович ответил дочери истинно одесским юмором: «Пусть тебя дочка не волнует этих глупостей...» И надо заметить, что когда в государстве начали бродить дрожжи вольнодумства, то на поверку вышло, что военная база оказалась гораздо продуктивнее продуктовых баз. И вот тогда Рувим Осипович с чистой совестью повесил на своей двери табличку: «Мендель Рувим Осипович, в звании полковника из всех полковников». Но это случилось несколько позже, а пока Рувиму Осиповичу пришлось скрепя сердце дать согласие на брак своей дочери со сталеваром. Мама Цили, известная всему городу тетя Хана, ничего не сказала, а только промычала, как холмогорская корова: «Он соблазнит нашу Цилечку, не доведши ее до загса». На что Цили немедленно парировала: «Ох, мама, мама! Когда мне от роду было всего лишь пять лет, то мне помнится, как вы сбежали из нашего дома с каким-то ливерпульским капитаном, а через два года огорчили нас еще больше – это вы вернулись обратно». Тетя Хана промолчала, но справедливо заметила: «Нужно сталевара куда-нибудь пристроить на хлебное место, а то еврейская диаспора не примет инородное тело в свою среду».

Вот так Костя Залеткин женился на Цилечке, и через несколько дней он стал директором базара. А товарный народ на базаре сразу же для себя сделал важный вывод: «Если сами евреи завели дружбу с Костей, то он, стало быть, очень богатый человек», – и на следующий день Костю прозвали Гарун аль Рашидом. Сам Рувим Осипович не лез с поучениями к молодоженам, но в Костины уши все-таки вложил следующие слова: «Живи сам и давай жить другим». И вот так незаметно пролетел год совместной жизни Кости и Цили, и Цили как-то пасмурным утром неожиданно для себя решила, что она вполне созрела для измены, и ближе к полудню ушла на все четыре стороны света. Но северную сторону она приберегла напоследок, так как на север сколько ни ходи, а

все одни русские, и, по-видимому, кроме русских, там уже ничего не было. И уже в аэропорту, ожидая самолет в сторону Парижа, Циля с заплаканными глазами бросилась своему мужу на шею и прошептала: «Кока! Ты у меня был первым и будешь последним. Я тебе это обещаю. А сейчас мне нужно заполнить хоть каким-нибудь развлечением зияющую пустоту дальнейшей семейной жизни, так как ты во мне пробудил женскую душу и тело». Костя чмокнул Цилю в щеку, а сам подумал: «Человеческое сердце – загадка, а еврейское – вдвойне!..»

Но это произошло с десяток лет назад, и, как понимал Костя, время последнего для Циля еще не наступило, поэтому Костя и жил, следуя совету своего тестя: «Живи сам и давай жить другим».

Костя отхлебнул из бутылки малиновой настойки, поплевал на червячок и вспомнил свою деревню Карамзиново. Было время, когда все деревенские мужики встали под знамена Дмитрия Донского и на Куликовом поле набили морду Мамаевой орде. И надо сказать, что карамзинским мужикам мордобитие жутко понравилось и они им стали заниматься каждый день. Набегами на соседние волости не ходили, а в основном дрались меж собой и, как правило, потехи ради или просто так вообще. Деревню свою от чужих посягательств защищали все как один и не щадя живота своего. Помнится как-то, что генералы Мамонтов и Кутепов хотели карамзинских мужиков призвать под белые знамена, а командарм Буденный – под красное, но мужики, выпив три кадки малиновой настойки, набили морды и белым, и красным и воевать против своих не пошли. А карамзиновские бабы были особыми бабами и по заведенной на деревне традиции от мужиков с побитыми рожками не рожали.

Рыба не клевала, и тут неожиданно на поверхности реки показалось две головы. Это из глубины вынырнули жирный жерех и осомелый сом. «Здорово, Костя!» – это жерех и сом поздоровались со своим старым знакомым, и между ними завязалась беседа.

— Слышь, Костя! По реке слух идет, будто твоя деревня совсем плохая стала.

— А ты, сом, сколько лет уже в речной воде живешь?

— Да лет триста, не меньше.

— И уж кому-кому, а только тебе ли не знать о том, что наши мужики не только морды друг другу бьют, но еще исправно пахнут, сеют и урожай собирают. Поэтому деревня стоит и род карамзиновский не вырождается. А кому-то это не нравится, вот и распускают всякие бредни.

— Ну да... — протянули разом жерех и сом, — а только ведь болтают.

— Пускай болтают! Собаки лают, а караван идет. И вы бы мне лучше хоть какую-нибудь рыбину шуганули на крючок, а то придется без улова домой возвращаться.

— Эх, Костя, Костя, — сом поправил очки на своей голове и продолжил, — а завтра ты внимательно посмотри в сторону восточных ворот на своем базаре. Вот там рыбу и поймешь.

И после этих слов жерех и сом вильнули хвостами и как в воду канули, если про рыб можно так сказать, а, в общем-то, по-другому про них и не скажешь.

Косте рыбачить расхотелось, философия в одну секунду растворилась в воде, и он, допив малиновку, вернулся к себе на базар, чтобы утром у восточных ворот посмотреть на рыбу, которая, со слов сома, недавно там откуда-то завелась.

Уже на следующий день, к одиннадцати часам дня Костя не спеша направился к восточным воротам своего базара. Подойдя поближе к воротам, он увидел интересную картину. На раскладном стульчике сидела молодая, с восточными чертами лица, красивая женщина. Вокруг нее стояло человек двадцать, и кто-то шепнул Косте на ухо: «Из самого Багдада. Астролог. Предсказывает судьбу». Костя усмехнулся, так как в гороскопы он не верил, но чего только ни увидишь на базаре. А вот голос астролога ему показался знакомым, и он подошел поближе. А астролог в это время предсказывала судьбу очередному клиенту и, надо сказать, делала это